

Си Ань не ответил на слова Лян Яочу.

Он опустил голову, глядя на рану, а его волосы, спадавшие на лицо, скрывали выражение глаз. Десять пальцев Си Аня сжались в кулаки так сильно, что никто не мог разглядеть, что творится у него на душе.

Лишь спустя долгое время он поднял голову. Его черные, блестящие глаза покраснели, как спелые маленькие помидоры. Он протянул руки к Линь Цинбаю и, всхлипывая, позвал:

— Учитель, мне больно.

Сердце Линь Цинбая сжалось от боли. Он наклонился, поднял Си Аня на руки и сказал Лян Яочу:

— Доктор Лян, прошу вас, пройдемте в комнату, осмотрите его рану.

Когда они вошли, Лян Яочу села на край кровати, чтобы осмотреть повреждения. Си Ань полулежал в объятиях Линь Цинбая, его маленькие ручки вцепились в одежду учителя так крепко, что, казалось, вот-вот порвут рукав.

Лян Яочу занервничала, резко прижала голень мальчика и с досадой произнесла:

— Теперь-то больно? А кто только что хвастался, что не ранен?

Си Ань, испугавшись строгой Лян Яочу, притих. Он втянул голову в плечи и поднял на учителя жалобный взгляд.

Увидев, что Си Ань уснул, Линь Цинбай осторожно уложил его на кровать и только тогда позволил себе размять затекшие плечи.

Лян Яочу взглянула на него и спросила:

— Может, мне выписать тебе мазь?

Линь Цинбай еще не успел ответить, как она нетерпеливо добавила:

— Не помрешь. Меняй повязку раз в три дня, и через месяц все заживет.

Получив утешение от учителя, Си Ань заметно приободрился. Он свернулся калачиком в объятиях Линь Цинбая и вскоре уснул.

Хотя рана была глубокой, к счастью, кость не была задета. Лян Яочу действовала быстро и профессионально, ловко перевязав ребенка.

Си Ань потерял много крови, да и пережитое испытание вымотало его. Сейчас его личико было бледным, как мел, он привалился к плечу Линь Цинбая, слишком слабый, чтобы даже приоткрыть веки.

— Учитель, я умру? — пробормотал мальчик, который никогда раньше не сталкивался с подобным, и в его голосе слышалась тревога.

Линь Цинбай на мгновение замер и ответил:

— Тигр.

На этом месте голос Лян Яочу внезапно стал тише.

Она усмехнулась:

— Если бы ты заботился о себе хотя бы наполовину так же, как об этом своем ученике, твое тело не было бы таким хилым.

— Это пустяки, прошу вас, доктор Лян, не беспокойтесь. Насчет ранения Си Аня — давайте обсудим это в другом месте.

Лян Яочу подняла взгляд на Линь Цинбая и долго молчала. Она долго смотрела на рану, и чем дольше смотрела, тем сильнее хмурилась.

Спустя какое-то время она отвела взгляд и сказала:

— Похоже, тот тигр был самцом, когти у него были довольно крупные.

После того как на него прикрикнули, Си Ань понуро опустил голову и сжался в объятиях Линь Цинбая, выглядя совершенно несчастным.

Линь Цинбай крепче обнял его, поглаживая по спине, и мягко произнес:

— Все хорошо, не бойся.

— Что такое? — спросил Линь Цинбай.

Лян Яочу недовольно поджала губы, взяла ножницы и разрезала ткань, прилипшую к ране, ворча:

— А как мне действовать нежнее? Вы всю дорогу назад даже не заметили, что он ранен, одежда присохла к ране, я ведь не святая.

— Что это за зверь оставил такие следы?

Линь Цинбай сказал Лян Яочу:

— Доктор Лян, Си Ань еще ребенок, прошу вас, будьте осторожнее.

Линь Цинбай улыбнулся, не ответив на слова Лян Яочу, а лишь сделал приглашающий жест.

Они вместе вышли из спальни. Сев за столик, Лян Яочу вкратце описала состояние Си Аня. Рана была нанесена острыми когтями крупного зверя, плоть была разорвана до самой кости, но, к счастью, жизненно важные органы не пострадали.

Лян Яочу использовала свое уникальное лекарство, обладающее болеутоляющим, противовоспалительным и заживляющим эффектами. Нужно менять повязку каждые три дня, и через месяц всё пройдет.

На этом моменте у Лян Яочу пересохло в горле, она залпом выпила воду из чашки и продолжила:

— Рана тяжелая, даже взрослый человек мог бы потерять сознание от такой боли. Я до сих пор не понимаю, как он всю дорогу не чувствовал боли?

Линь Цинбай уже задумывался об этом и ответил:

— Ситуация была крайне опасной. Тигр бросился на меня, Си Ань оттолкнул меня, но сам оказался под зверем и едва не погиб. В состоянии крайнего нервного напряжения человек действительно может не чувствовать боли.

Другого объяснения Линь Цинбай найти не мог. Си Ань не дурак — если иногда Линь Цинбай ударял его линейкой, он сразу начинал кричать от боли. Как он мог не почувствовать такой тяжелой раны?

Лян Яочу не была на месте событий и не знала, что именно произошло, поэтому она задумчиво пробормотала:

— Все равно это довольно странно.

Кроме того, что это странно, Лян Яочу ничего не могла добавить. Она вспомнила, что у нее осталась недопитая фляга отличного вина, и заторопилась.

Закинув аптечку за спину, она уже у дверей вспомнила:

— Кстати, твой номер — самый большой люкс в постоялом дворе, на третьем этаже. Слуги уже разожгли там угли, иди сразу туда.

— Я не пойду. Доктор Лян, если хотите, можете занять ту комнату, а я сегодня останусь здесь, с Си Анем.

Лян Яочу нахмурилась:

— Зачем тебе оставаться здесь? Этот сорванец толстокожий, он куда крепче тебя. В травах, что я ему дала, есть сон-трава, он проспит до самого утра. Лучше позаботься о себе.

Линь Цинбай не обиделся на слова Лян Яочу и по-прежнему спокойно ответил:

— Боюсь, он будет беспокойно спать и заденет рану. Благодарю за заботу, доктор Лян.

Поняв, что Линь Цинбая не переубедить, Лян Яочу недовольно фыркнула и вышла из комнаты.

Ночь была глубокой. Си Ань, как и обещала Лян Яочу, раскинулся на кровати, дышал ровно и крепко спал. Линь Цинбай поправил одеяло, лег рядом с ним, не раздеваясь, и устался в потолок, но сон не шел.

Сегодняшний день был слишком насыщенным, и он боялся, что, как только уснет, снова погрузится в кошмары, которые не давали ему покоя. За окном стрекотали какие-то насекомые. Ночной страж ударил в гонг, выкрикивая время.

Приближалась полночь, и Си Ань медленно открыл глаза. Тот голос снова заговорил:

— Ночь на исходе. Ты обещал, что убьешь его сегодня. Давай, убей его.

Голос звучал словно проклятие, каждый раз вызывая у Си Аня прилив Ци Злобы, а кровь жаждала убийства. Си Ань нащупал в рукаве стальную иглу и с тяжелым, глубоким взглядом уставился на Линь Цинбая.

В этот момент Линь Цинбай протянул руку и погладил его по волосам — они были мягкими и

гладкими, приятными на ощупь. Линь Цинбай погладил еще несколько раз.

Зрачки Си Аня резко дрогнули.

Линь Цинбай тихо спросил:

— Почему проснулся, если так сладко спал? Рана болит?

Си Ань опустил глаза и промолчал. Линь Цинбай решил, что рана действительно болит — одна мысль о том, что у ребенка такая глубокая рана на ноге, вызывала у него острую жалость.

Линь Цинбай хотел утешить его, но совсем не умел этого делать. Помолчав немного, он протянул руку и мягко коснулся плеча Си Аня:

— Спи.

Сказав это, он тихонько запел. На самом деле Линь Цинбай почти не умел петь, он просто вспомнил колыбельную, которую когда-то случайно услышал, и слова сами сорвались с губ.

В тишине ночи Линь Цинбай длинными пальцами легонько похлопывал Си Аня по плечу, тихо напевая:

— Ветер стих, цветы взошли, бабочки в танце закружились, малыш протянул пухлые ручки, но поймать их не смог...

— Закат ушел, солнце село, месяц изогнутый выглянул из-за туч, непослушный ребенок собирается домой...

Голос Линь Цинбая был очень приятным. В этой тихой ночи каждое слово, слетавшее с его губ, словно касалось сердца перышком — таким нежным и ласковым.

Спустя долгое время Си Ань вдруг охрипшим голосом спросил:

— Что такое дом?

Линь Цинбай похлопал его по спине и ответил мягким голосом:

— Дом — это место, где можно быть с семьей.

— Что такое семья?

— Семья — это близкие люди, например, отец, мать, братья и сестры.

Си Ань снова замолчал, а потом произнес:

— У меня нет семьи.

— У тебя есть дом, а учитель — это тоже семья.

В глазах Си Аня что-то блеснуло, он медленно поднял взгляд на Линь Цинбая. В темной ночи его черные, как угольки, глаза вдруг вспыхнули, как факелы — яркие и мерцающие. Он долго смотрел на Линь Цинбая и переспросил:

— Ты — моя семья?

— Да, я твоя семья.

В этот момент за окном снова прозвучал гонг ночного стража — до полуночи оставалось совсем немного.

— Давай же, что ты делаешь?! Убей его! — взревел голос в голове. — Его пара пустых слов обманула тебя? Какая еще семья? Какие еще родственники? В такую чушь даже трехлетний ребенок не поверит, ты что, правда поверил?! Янь Цюсы, ты прожил больше тысячи лет, неужели тебя еще недостаточно обманывали твои «родственники»? Как ты можешь верить в этот бред о семье!

— Я не верю! — резко возразил Си Ань. — Как я могу поверить в слова такого лицемера?

— Тогда убей его! Сегодня он сказал, что ты заслуживаешь смерти. Ты ведь больше всего на свете ненавидишь, когда тебе такое говорят, почему ты не убил его?! Убей его! Ты — Янь Цюсы, ты даже собственную мать убил, почему сейчас не можешь убить его?! Почему до сих пор не взялся за дело?! Скорее! Скорее!

Си Ань сжал стальную иглу и поднял взгляд на Линь Цинбая. Тот крепко спал, черные волосы мягко ниспадали на плечи, дыхание было ровным, ресницы длинными, а переносица — высокой и прямой. Когда его глаза были закрыты, он напоминал утреннюю зарю ранней весной — такой же спокойный и прекрасный.

Рука Си Аня, державшая иглу, долго оставалась напряженной, но в конце концов он тяжело закрыл глаза, разжал пальцы и ответил голосу в своей голове:

— Сегодня не убью.

— Почему? Смягчился сердцем?

— Нет.

— А когда сегодня демоническая тварь хотела его съесть, почему ты его спас? Он ведь всего лишь обычный смертный, позволил бы демону съесть его — и дело с концом! Янь Цюсы, неужели у тебя есть чувства?

Услышав это, Си Ань резко открыл глаза. Подобно ежу, которому задела больное место, он жестко отрезал:

— Чушь собачья! Я спас его только потому, что боялся, как бы его подчиненные не поранили мою демоническую тварь. А раз он хотел пожертвовать собой ради меня, значит, я остался ему должен жизнь. На этот раз прощаю. Но если он посмеет еще раз нарушить правила, я припомню ему всё, и старые долги, и новые, и сотни раз четвертую его!

Голос в голове лишь холодно рассмеялся:

— Что ж, я подожду, пока ты его четвертуешь.

<http://bllate.org/book/22078/2295868>